

Германиа на Балканах все же не рисуется ему безнадежным, т. к. он не опасается полной индустриализации Юго-восточных стран и не вѣрит в осуществление Придунайской конфедерации. Свой обширный и чрезвычайно трезвый труд Гюфмани заканчивает призывом к Франци не препятствовать созданию средневропейскаго экономического блока, который облегчил бы осуществление общеевропейскаго сговора.

Б. Ижболдин.

B. GROETHUYSEN. *Origines de l'esprit bourgeois en France*. I. (1927).

Эта книга своего рода хрестоматия любопытнѣйших и, насколько я знаю, до сих пор никого не привлечших к себѣ источников — сборников французских проповѣдей 17-18 в.в. — особый вид тогдашней публицистики, цѣнной тѣм, что обращалась она не к «хорошему обществу», не к «Городу и Двору», которыми, за малыми исключениями, только и занимаются историки французской культуры, а к массам, к народу.

Автор, во-первых, извлекает из этих источников тѣ мѣста, которые касаются «буржуазных» по преимуществу грѣхов и слабостей: любостыжанія, торгашества, ростовщическаго лихоимства. С этими явлениями Церковь издавна боролась, чего как будто не принимает во вниманіе автор, — по

крайней мѣрѣ, не оговаривает; но он прав, указывая, что только с конца 17 вѣка Церковь включает в свое поле зрѣнія буржуа, как специфических носителей этих пороков, тогда как раньше проповѣдническая так сказать социология знала только «вельмож» и «бѣдняков». В нѣкоторых проповѣдях — очень интересныя — и рѣзко отрицательныя — характеристики новых отношений между рабочими и работодателями, нападки на машинизм и т. п. Критикуя зарождающийся капитализм обобщенно, рассматривая его, как проявленіе современной цивилизации, противопоставляя капиталистическому строю, основанному на эксплуатации пролетаріата, идиллическія отношенія, существующія там, гдѣ преобладает земледѣльческій труд, утверждая, что прогресс «наук и искусств», которым сопровождается развитие индустрии и торговли, куплен дорогой цѣною паденія нравов и нравственности, церковныя проповѣдники во многом совпадают с автором знаменитых двух «Разсужденій»: Руссо вырос в кальвинистской атмосферѣ, а кальвинизм, сколь ни содѣйствовал он развитію капиталистическаго духа своей доктриной о земном «призваніи» каждаго человѣка и об успѣхѣ, как залогѣ «оправданія», все же стоял, по отношенію к денежному хозяйству на столь же непримиримо-аскетической точкѣ зрѣнія, лишь постепенно идя на компромиссы и сдавая свои позиціи — как это выяснил Таупеу (в своей замѣчательной работѣ

Religion and rise of capitalism), сдѣлавшій для исторіи англійскаго общества то, что Groethuysen для французскаго и при помощи того же вида источников. В отвѣтных памфлетах «les honnêtes gens» отстаивают против Церкви идею «прогресса». Любопытны недоразумѣнія, в которыя, незамѣтно для самих себя, впадают спорящія стороны, и которых не отмѣтил и сам автор. Так один из проповѣдников, нападая на мѣщанскую скаредность, сконидомство — черты, свойственныя періоду «первоначальнаго накопленія», касается соціальной стороны этого порока: все это парализует оборот, убивает торговлю, лишает бѣдняков заработка. Деньги не должны залеживаться. Выдвигая эту сторону, проповѣдник опережает своих антагонистов.

Во-вторых, автор прослѣдил борьбу янсенистов с молинистами в ея отраженіи в сознаніи мірян, — насколько об этом позволяют судить тѣ же источники. Увлеченіе борьбою заставляло іезуитов («молинистов») выдвигать настолько идею свободы человѣка, что в концѣ концов божественное провидѣніе отходило на задній план, подготовлялась секуляризація міросозерцанія: сами того не вѣдая, молинисты работали на «философов», на новый «гуманизм». Идея грѣха замѣняется идеей преступленія, религіозность — морализмом, Бог из абсолютнаго монарха превращается в конституціоннаго, правящаго людьми по договору.

Книга Groethuysen'a интересна

не только сама по себѣ. Интересна и ея судьба. Автор — послѣдователь Дильтея, выдающійся философ культуры — подвергся нападкам со стороны специалистов историков. Ему поставлено в упрек то, что, говоря о «буржуазном духѣ», он не дал предварительнаго опредѣленія понятія «буржуа». — тогда как для автора «буржуа» и есть «становящійся» носитель того «духа», жизнь котораго он старается прослѣдить; далѣе, что он забыл о том, что существует «метод» (все это в рецензіи одного из авторитетных французских историков, R. Guyot, в авторитетнѣйшем органѣ — R. Historique): для рецензента, очевидно, «метод» есть нѣчто, само по себѣ существующее, неизмѣнное, не опредѣляемое ни авторской индивидуальностью, ни свойством его источников. Вѣдь, автор не рисует, на основаніи проповѣдей, быта и нравов французской буржуазіи: он лишь вскрывает тѣ тенденции буржуазнаго общества, которыя бросались проповѣдникам в глаза, и против которых Церковь ополчалась. Прием, оказанный книгѣ Groethuysen-а историками, как нельзя болѣе характерен для современной исторической науки, для ея «scientisme»-а, оторванности от жизни, нечуткости, — всего того, что так удачно отмѣчено Полем Валери в его «Regards sur le monde actuel». Историческая наука наших дней, одно из наших «достиженій», являет собою символ всѣх этих «достиженій»: всѣ сферы человѣческой дѣятельности

стремятся в наше время обособиться, стать «чистыми», быть «для себя» — и вот, в результате, артериосклероз, вырождение в александризм, педантизм, автоматическую микрографию.

II. Бицилли.

André FOURGEAUD. La Rationalisation. Etats-Unis — Allemagne. 1929.

Превосходная книга, исключительная по ясности и содержательности. Едва ли не впервые столь исчерпывающе выяснен многосторонний смысл модного и уже затасканного термина «рационализация», употребляющие который рѣдко когда знают, что собственно за ним кроется. И прежде всего — устраняется предразсудочное мнѣніе, будто «рационализация» — всегда и обязательно «обезличивание» работающего. Автор устанавливает классификацію различных содержаний термина и покрываемых им явлений.

I. Рационализация труда

а) Тэйлоризация. Она основана на исчислении необходимых и достаточных, минимальных для выполнения данной работы движений, причем скала вознаграждений соответствует степени приближения рабочего к автомату.

б) Фордизация. Здѣсь автоматизируется не рабочий, а сама работа: ибо фордизация основана на учетѣ ритма работающего в его приспособленіи к свойствам выполняемаго задания. Рабочій

пріучается автоматически выполнять извѣстные движенія, как музыкант, играющій гаммы и этюды; сознание его остается при этом вполне свободно. Кроме того: работа ведется группово, рабочий чувствует и сознает себя частью цѣлага, сознает, что его частичная работа участвует в создании всего продукта. На своей родинѣ фордизм — исключение. Система Форда изучается и применяется главным образом в Германіи.

в) Психотехника — изобрѣтеніе Гуго Мюнстерберга. Она в большом ходу в Америкѣ. К чему может быть пригоден работающій, опредѣляется путем психологических наблюдений над ним (система «tests»). Метод этих наблюдений поверхностен и допускает лишь очень грубо приближительные выводы. Психотехника годится как подсобное средство, но не может лежать в основѣ квалифіцированія рабочих. Рационализация труда требует не узко специальной подготовки рабочего, опредѣляемой сомнительными выводами «психотехнических» наблюдений над ним; рабочий должен быть человеком, всесторонне развитым существом. Его образование должно, не отрывая его от физического труда, быть общим и высшим, должно готовить сознательнаго дѣятеля. Это понято в Германіи.

II. Рационализация производства

Автор учитывает двѣ господствующія тенденціи в правѣ, в концепціи общества и в хозяй-